

Глава 24

А Са была не просто птицей — она была хищником. Суй Цзымин растил её как боевого сокола, поэтому на ней была специальная броня, защищавшая уязвимое брюшко и позволявшая безбоязненно атаковать в пике.

Когда кречет на полной скорости нёсся вперёд, его полёт был воистину устрашающим. Потoki воздуха, обтекавшие перья, резали, словно лезвия, заставляя Шэнь Цзюцзю, не привыкшего к такому длиннохвостого птенца, зажмуриваться от боли.

Он мёртвой хваткой вцепился в перья на спине А Са, спрятал голову под крыло и сжался в комочек, стараясь как можно крепче держаться. Ветер растрепал его, придав ему лихой вид с залысиной спереди и длинными перьями сзади.

Когда А Са совершила очередной головокружительный манёвр — пике, разворот и бреющий полёт между деревьями, — измученный Шэнь Цзюцзю, плотно сжимавший клюв, чтобы не наглотаться воздуха, не выдержал. Он приоткрыл крыло и сквозь щель в перьях покосился на воробья, своего попутчика в этом соколином родео.

Как предводитель, он должен был позаботиться о подчинённом.

Но невзрачный на вид воробей не только не испугался, но и гордо выпрямился на спине А Са, время от времени указывая ей направление и с восхищением глядя на своего старшего товарища.

Шэнь Цзюцзю замер.

Он пошевелил онемевшими от напряжения лапками, пытаясь выглядеть более естественно, спокойно и уверенно. Но всякий, кто катался на американских горках без ремня безопасности, знает: когда от страха напрягаешься до предела, конечности деревенеют.

Внезапно А Са резко свернула, облетая преградившее путь дерево. Перья на её брюхе почти коснулись веток. Шэнь Цзюцзю, только что ослабивший хватку, едва не слетел. В ужасе он тут же припал к её спине, вцепившись в ремешок брони не только лапками, но и клювом.

К чёрту достоинство! Он птица, вершащая великие дела! Жизнь дороже!

Воробьи, обученные Шэнь Цзюцзю, действовали слаженно. Один был отправлен с донесением, остальные следовали за Суй Цзымином. Благодаря их сообразительности, быстрой передаче информации и острому чутью кречета, следовавшего за запахом хозяина, три птицы быстро прибыли на место.

Крылья А Са с треском ломали ветви. Услышав её яростный крик, Шэнь Цзюцзю встрепенулся и, высунув голову, посмотрел вниз.

Хотя это и был пригородный лес, они забрались довольно глубоко. Сюда забредали лишь те, кто намеренно искал уединения. Несколько лет назад здесь даже ходили слухи о диких зверях, и двор организовывал охоту на тигров.

Две группы, сошедшиеся в яростной схватке, скрывали свои лица: одни — под чёрными повязками, другие — под масками. Слуги и охранники, сопровождавшие обоз дома князя-защитника, давно пали под ударами клинков.

Суй Цзымин, чьё лицо было наполовину скрыто серебряной маской, резким движением запястья заставил звенья цепного кнута со звоном удариться друг о друга и встретил удар нападавшего. Кнут, словно змея, обвился вокруг клинка и со скрежетом устремился вверх, переломив меч противника, а затем обрушился на его лоб.

Одним ударом одолев врага, Суй Цзымин дёрнул кнут на себя. Потеряв равновесие, нападавший пошатнулся и получил сокрушительный удар в грудь. С глухим стуком он отлетел назад, сбив с ног своего товарища.

Однако остальные нападавшие, не обращая на это внимания, продолжали атаковать, устремившись прямо на Суй Цзымина. Хоть их и было больше, Суй Цзымин, очевидно, был мастером группового боя. Он поддел кнутом клинок противника, и цепь, соскользнув вверх, обвила его руку. Резко дёрнув, он заставил врага вскрикнуть от боли. Короткий меч выпал из его руки и вонзился в землю.

— Уводите повозки!

Суй Цзымин понял, что нападавших интересует не столько серебро, сколько его жизнь. Прищурившись, он принял решение. И действительно, даже когда его люди увели повозки, нападавшие продолжали преследовать его, нанося всё более яростные удары.

Кречет с пронзительным криком ринулся вниз и в мгновение ока оказался рядом. Острыми когтями он вцепился в затылок одного из нападавших, а клювом ударил его в правый глаз. Тот согнулся от боли, но кнут Суй Цзымина оказался быстрее. Цепь обвилась вокруг шеи врага, и мощным рывком Суй Цзымин пригвоздил его к стволу дерева.

Остальные нападавшие замерли, не решаясь подойти. А Са сложила крылья и опустилась на плечо хозяина. В следующее мгновение человек, лишённый глаза, глухо застонал и, решительно покончив с собой, обмяк. Остальные нападавшие тут же растворились в лесу.

Суй Цзымин нахмурился и сорвал с лица мертвеца повязку. Увидев под ней ничем не примечательное лицо, он не удивился. Оттолкнув тело ногой, он отёр кнут о полу своей одежды и с улыбкой спросил А Са:

— Как же наша самая отважная А Са сюда попала?

— Ао-га! — низко прокричала та.

Суй Цзымин не понимал птичьего языка и, решив, что она так выражает свою привязанность, погладил её по перьям. Внезапно он спохватился:

— Постой, ты же была не...

Кстати, кольцо на её лапе...

Глаза Суй Цзымина расширились. Он принялся осматриваться и на одной из веток заметил Шэнь Цзюцзю, который, казалось, спокойно и невозмутимо взирал на поле боя, но на самом деле его птичья душа уже давно покинула тело.

Шэнь Цзюцзю, вцепившись в ветку, застыл, словно каменное изваяние, не желая вспоминать, что произошло мгновение назад. Когда А Са увидела, что её хозяин в опасности, она ринулась вперёд, не обращая внимания на ветви. В этот момент Шэнь Цзюцзю и воробья безжалостно смело с её спины, и две беспомощные птички взмыли в свободный полёт.

Воробей, испуганно пискнув пару раз, захлопал крыльями и выровнялся. Увидев, что Шэнь Цзюцзю всё ещё кубарем летит вниз, он бросился к нему, схватил за перья на затылке и, отчаянно махая крыльями, с трудом приземлился на ветку.

Так что, пока Суй Цзымин и А Са героически сражались внизу, Шэнь Цзюцзю с видом полководца застыл на высокой ветке, взирая на поле боя с окаменевшим птичьим лицом.

Суй Цзымин, уперев руки в бока, поднял голову и, встретившись взглядом с полными мольбы глазами птенца, рассмеялся.

— Всё в порядке, спускайся. Не бойся, я поймаю.

Шэнь Цзюцзю осторожно посмотрел вниз, сглотнул и не осмелился пошевелить и лапкой.

Что ж. Кажется, у птиц... тоже бывает боязнь высоты. Деревья, на которых он учился летать, были не такими высокими. У-у-у.

Некто, кто мог бы с лёгкостью взлететь наверх и снять птенца, вместо этого стоял внизу и с улыбкой подтрунивал:

— Ох, что же случилось с нашим Цзюцзю? О чём ты так задумался? Почему не спускаешься?

А-а-а, как же он раздражает! Как можно быть таким невыносимым для птиц!

Шэнь Цзюцзю гневно посмотрел на Суй Цзымина, мечтая спрыгнуть ему прямо на лицо. Но лапки его ослабели и не слушались.

— Цзю-цзю-цзю-цзю... ЦЗЮ!!!

Его жалобный писк внезапно стал пронзительным и резким. В тот же миг Суй Цзымин вскинул кнут и отразил летящую из тени стрелу. Сбитая, она согнула траву.

Из-за деревьев бесшумно появились новые фигуры. В отличие от предыдущих, они не скрывали своих лиц. Это были смертники, готовые на всё.

— Хм, интересно.

Раз нападавшие больше не скрывались, значит, они пришли с твёрдым намерением убить. А раз так, то и Суй Цзымину больше не было нужды прятаться. Он схватил кнут за оба конца, обмотал цепь вокруг пальцев и, резко взмахнув рукой, со щелчком превратил его в копьё с красной кистью.

Кречет на его плече издал воинственный клич.

Шэнь Цзюцзю на ветке смотрел на это, разинув клюв. Так вот какие они, воины и их птицы? Просто невероятно.

Он не знал, станет ли эта засада последней для Суй Цзымина, но понимал, что, пока тот и А Са заняты боем, ему нельзя оставаться на ветке. Внизу сверкали клинки и раздавался звон стали, а на дереве Шэнь Цзюцзю медленно, боясь соскользнуть, перебирал лапками, двигаясь к стволу.

Если бы он сейчас упал, то, возможно, и не превратился бы в лепёшку, но его точно нашинковали бы на сашими.

Когда он наконец добрался до ствола и собрался съехать вниз, позади него пронёсся холодный блеск, опалив перья на спине и устремившись к Суй Цзымину!

Нервы Шэнь Цзюцзю натянулись. Он мгновенно всё понял и, даже не видя происходящего, издал самый пронзительный и испуганный крик за всю свою новую жизнь:

— ЦЗЮ-У-У!!!

Стрела летела Суй Цзымину в спину. В этот момент трое нападавших, не жалея себя, сковали его копьё и отрезали все пути к отступлению. Поэтому, даже услышав предупреждение Шэнь Цзюцзю, он не смог увернуться.

Стрела вонзилась ему в спину, прямо в левую лопатку.

— ЦЗЮ!!!

Серо-белая молния метнулась с высоты. Приземлившись, птенец неуклюже пробежал несколько шагов, затормозив клювом, чтобы не покатиться дальше, и снова, взмахнув крыльями, полетел к Суй Цзымину.

Суй Цзымин, услышав его крик, успел бросить на него взгляд и теперь видел, как тот неуклюже летит к нему. Он отбросил ногой нападавшего, копьём отшвырнул другого, преграждавшего путь, и уже собирался поймать Шэнь Цзюцзю, как тот, яростно приземлившись, проехался лапками по лицу врага, оставив на нём кровавые полосы.

— Ого, птенчик тоже научился драться! Неплохо, неплохо, способный ученик.

Шэнь Цзюцзю, не обращая внимания на похвалу, подлетел к Суй Цзымину, сел ему на плечо и ударил крылом по голове:

— Цзю-цзю-цзю-цзю-цзю-цзю-цзю!!!

Какое остроумие! Ты ранен, понял?! На стреле смертельный яд, понял?! Твоя жизнь на волоске, понял?!

— Эй-эй, успокойся, я в порядке.

Суй Цзымин, тяжело дыша, отразил удар меча и, не выпуская копьё, другой рукой вытащил стрелу из спины.

— Правда, в порядке! Смотри! Я в кольчуге, наконечник, похоже, застрял.

Быстро объяснив, он бросил Шэнь Цзюцзю в безопасном направлении:

— Раз летать научился, то поиграй пока в сторонке!

Шэнь Цзюцзю не успел ничего разглядеть, как его подбросили в воздух. Мир закружился. Он отчаянно захлопал крыльями, неуклюже пытаясь удержать равновесие, и с удивлением покачнувшись из стороны в сторону.

А?

А-а-а!!!

Он летит!

Шэнь Цзюцзю, освоивший новый навык, в восторге принялся взмывать и пикировать. Суй Цзымин, разозлившись, крикнул:

— Отлети подальше! Попадёшь под удар — не плачь!

Знаю, знаю. Шэнь Цзюцзю отлетел в сторону. Молодой ещё, а уже такой ворчливый.

Любое существо, впервые научившееся летать, испытывает восторг. Шэнь Цзюцзю носился по лесу и внезапно столкнулся с летевшим ему навстречу воробьём.

— Цзю-цзю-цзи!

[Стрелок там!]

— Цзю?!

Шэнь Цзюцзю тут же насторожился и, сообразив, несколько раз крикнул в сторону Суй Цзымина. А Са, услышав его, ринулась в указанном направлении, и её стальной клюв устремился в атаку!

— А-а-а! — раздался из леса пронзительный крик, смешанный с яростным кличем кречета.

Шэнь Цзюцзю, зная свои силы, не стал вмешиваться в драку, а сложил крылья и... стал юркой курицей, снующей под ногами сражающихся.

Пробегая мимо одного, клюнет. Мимо другого — пнёт. Он даже стащил с трупа пояс, натянул его между двумя деревьями и, завидев врага, вместе с воробьями налетел на него, натянув ловушку. Если повезёт, можно оглушить сразу нескольких.

То, что в обычное время было бы лишь досадной помехой, в бою становилось смертельным отвлечением, ведь в следующее мгновение перед глазами врага сверкало острое копье.

— Цзю!

Как же хорошо!

Шэнь Цзюцзю самодовольно подпрыгивал. Краем глаза он заметил, что кто-то ищет что-то в траве. Он тут же вспомнил, что в романе Суй Цзымин умер от ядовитой стрелы, истощив все силы. Позже, когда Пэй Ду пытался расследовать его смерть, он не смог найти ни тела, ни следов яда, и все нити оборвались.

Значит... ядовитая стрела?

Шэнь Цзюцзю понял, что этот человек ищет именно её. Он тут же принялся осматривать поле боя, призывая на помощь воробьёв. Даже если Суй Цзымин не был ранен, тот факт, что в романе люди князя У не отдали Пэй Ду тело, говорил о многом. Что такого особенного могло быть в теле Суй Цзымина? Только яд.

Убийце, чтобы найти улику, нужно было уворачиваться от клинков и избегать взгляда Суй Цзымина, но стая птичек размером с кулак, скрытая в траве и тени деревьев, была на удивление проворна и обладала широким обзором. Вскоре птичья армия первой нашла стрелу, застрявшую в кольчуге Суй Цзымина.

Шэнь Цзюцзю, избегая ядовитого наконечника, попытался схватить клювом древко, но, напрягшись изо всех сил, не смог сдвинуть стрелу с места.

Шэнь Цзюцзю замер.

В этот момент разница между птицей и человеком проявилась особенно ярко.

Он хотел позвать на помощь воробьёв, но увидел, что человек в чёрном уже заметил его и приближается. В этот критический момент Шэнь Цзюцзю сохранил ледяное спокойствие. Серо-белая птичка присела в траве, отпустила древко, и в её глазах промелькнула тень раздумья.

Если он не сможет надёжно спрятать стрелу, то, учитывая дотошность этих людей и удачу главного героя, её, скорее всего, отберут, а он сам и помогавшие ему воробьи лишатся голов.

Поскребя лапкой по земле, Шэнь Цзюцзю придумал план. Он тихо пискнул, и воробьи тут же разлетелись. Серо-белый птенец подбежал к широколистному растению, своим весом согнул его стебель, сорвал клювом несколько больших и плотных листьев и вернулся к стреле.

Прикрыв листьями острый наконечник, он ловко сложил их в несколько слоёв и принялся тереть остриё. Воробьи, получившие задание, вернулись, принеся ещё листьев и травинок. Шэнь Цзюцзю приподнял лист и, убедившись, что на нём остался слабый синеватый след, осторожно свернул его, избегая отравленной части, несколько раз обернул другими листьями и крепко перевязал травинкой. Затем, под прикрытием вспорхнувшей стаи воробьёв, он схватил зелёный свёрток и спрятал его на высокой ветке.

Спустя полчаса нападавшие, появлявшиеся, словно тараканы, один за другим, наконец, прекратили атаки.

Суй Цзымин сидел, прислонившись к дереву. Маска давно была потеряна, причёска растрепалась, но он по-прежнему крепко сжимал в руке копьё. После нескольких схваток раны на его теле — новые и старые — смешались в одно кровавое месиво. Кровь, смешавшись с пылью, застыла коркой, приклеив одежду к коже. Любое движение отзывалось болью.

Даже самый сильный воин не может противостоять сотням. Суй Цзымин провёл рукой по лицу, задев рану на скуле, и зашипел от боли.

Шэнь Цзюцзю, до этого старавшийся не мешать, подлетел к нему, сделал круг и, взмахнув крыльями, осторожно опустился на голову А Са. Перья кречета были мокрыми — то ли от его собственной крови, то ли от вражеской.

Теперь Шэнь Цзюцзю понял, почему такой сильный и отважный Суй Цзымин, которому так доверял проникательный Пэй Ду, в романе всё же погиб в этом лесу. За эти полчаса нападавшие, не жалея себя, волна за волной бросались на него, готовые любой ценой его уничтожить. Но Шэнь Цзюцзю так и не понял, почему люди князя У пошли на такие жертвы. Он не слышал, чтобы у них была такая ненависть к Суй Цзымину или его семье.

Стоя на голове А Са, Шэнь Цзюцзю похлопал крылом Суй Цзымина, не давая ему уснуть.

— Цзю, цзю-цзю.

Голос его был на удивление мягким и настойчивым.

Суй Цзымин прижал руку к боку, но ослабевшие пальцы не слушались, и кровь продолжала сочиться.

— Цзюцзю...

Он перевёл дух. Рана в груди болела так, словно её что-то сжимало. На лбу выступил пот, но на губах играла привычная дерзкая улыбка. Он медленно поднял глаза на копьё, всё ещё стоявшее прямо.

— Я ведь был хорош?

Шэнь Цзюцзю тут же выпрямился, выпятил грудь и громко, с полной уверенностью пискнул два раза.

Суй Цзымин рассмеялся, но смех перешёл в кашель.

— Конечно, хорош... Все в роду Суй, и мужчины, и женщины, владеют копьём с красной кистью. Нас учили разные наставники, но в каждом нашем движении виден след предков. Генерал Суй Цин, мой отец, погиб, отвоёвывая наши земли. Моя старшая сестра Суй Ин пала на границе, второй брат Суй Нин погиб, защищая пустой город, третий брат Суй Люй с отрядом прорвался в стан врага... Все они умерли на коне, под знаменем нашего рода. Цзюцзю, раньше Великая Чжоу была другой. Раньше мифические звери на крышах дворца взирали на плодородные поля, а свет свечей в тронном зале освещал послов со всего мира. Тогда люди в городе жили в мире и достатке, солдаты в лагерях были полны сил, а вода в крепостном рву, говорят, пахла рисом.

Сказав это, Суй Цзымин снова улыбнулся.

— Хотя я и сам этого не видел, ха-ха.

Шэнь Цзюцзю не знал, какой была прежняя Великая Чжоу. Шэнь Синэнь тоже. Они видели лишь нынешнюю — слабую, прогнившую до основания династию, державшуюся на последних остатках чести чиновников и воинов. Корабль, которому суждено было пойти ко дну, уступив место новой, великой династии главного героя.

Современное мышление подсказывало ему, что смена династий неизбежна, что старое должно уступить место новому, и цепляться за прошлое — значит заблуждаться.

Но...

— В детстве я думал, что стану сильнее сестры и братьев, достаточно сильным, чтобы принять знамя отца. А потом их всех не стало, и знамя рода Суй, пропахшее ладаном, осталось лежать в храме предков. Я мечтал, что однажды подниму его и снова встану на границе, на поле боя, среди песков.

Шэнь Цзюцзю молчал. Потому что, даже если Суй Цзымин переживёт это, он, скорее всего, никогда не покинет столицу. Он — последний из рода Суй, потомок тех, кто по одному зову, без приказа, готов был вести войска на столицу. Армия Цаньлан, охранявшая границу, когда-то звалась армией Суй. Поэтому, кто бы ни победил — император или князь У, — они наденут на этого сокола оковы и не дадут ему ни малейшего шанса приблизиться к власти.

Шэнь Цзюцзю понимал это. Суй Цзымин понимал это ещё лучше. С самого детства.

В глубине леса послышался шорох. Вооружённые убийцы снова показались из тени.

Суй Цзымин усмехнулся:

— Это была величайшая мечта моей жизни... А в итоге я споткнулся в сточной канаве, даже не дойдя до цели. Хоть бы из столицы выбраться... эх.

Помолчав, он, опираясь на копьё, встал.

— Цзюцзю, я знаю, ты умный. Послушай меня на этот раз, уходи.

Шэнь Цзюцзю взмахнул крыльями, но не сдвинулся с места, издав тихий, жалобный писк.

Суй Цзымин посмотрел на птенца, прижавшегося к голове кречета, и в его глазах промелькнула тень безысходности:

— Будь умницей, это не подмога.

Шэнь Цзюцзю не двигался. Он, конечно, знал, что это не подмога. Блеск клинков слепил ему глаза. Он просто не мог поверить, что все его усилия оказались напрасны.

Будучи человеком, он хотел спасти мать, Се Цзинтан, но теперь не знал даже, жива ли она. Став птицей, он хотел спасти Суй Цзымина, но, пройдя такой долгий путь, снова оказался на той же тропе, что и в романе. Как он мог с этим смириться?

Глядя на спину Суй Цзымина, сжимавшего копьё, Шэнь Цзюцзю наконец-то по-настоящему понял, кто он такой. Двоюродный брат Пэй Ду, юный гений военного дела, вечно улыбающийся повеса — всё это был Суй Цзымин. Но не только.

Настоящий Суй Цзымин был воином, который никогда не согнётся. Каким же горьким и полным обиды должен был быть тот Суй Цзымин из романа, погибший от ядовитой стрелы и навсегда оставшийся в пригородном лесу, удостоенный лишь нескольких строк?

В этот момент до Шэнь Цзюцзю донёсся стук копыт, а затем — приближающийся звон стали. В глазах нападавших промелькнуло сомнение, и их движения замедлились.

Шэнь Цзюцзю и Суй Цзымин замерли. Щебет воробьёв внезапно усилился. Один, два, три... из леса, словно грибы после дождя, показались воробьиные головы, и все они дружно защебетали в ответ на приближающийся шум.

Шэнь Цзюцзю радостно расправил крылья:

— ЦЗЮ-У-У!!!

Суй Цзымин, только что противостоявший убийцам, вдруг рассмеялся, разжал пальцы и упал на пропитанную кровью землю. Шэнь Цзюцзю, решив, что тот умирает, тут же подлетел и прижался к его носу, пытаясь крылом нащупать дыхание.

Суй Цзымин дунул ему на перья.

Шэнь Цзюцзю хотел было возмутиться, но, увидев, как жалко тот выглядит, весь в ранах, сдержался. Он перебрался с его носа на лоб и, встав там, принялся осматриваться, готовый отразить любую атаку.

Голос Суй Цзымина был тихим и слабым от потери крови, но смех в нём скрыть было невозможно:

— Цзюцзю, смотри внимательно. Тот, что сейчас на коне, — вот настоящий Пэй Ду. Твой птичий взгляд так же плох, как и твоё актёрское мастерство. Не дай себя обмануть в следующий раз.

Шэнь Цзюцзю легонько клюнул его в лоб, защищая честь своего благодетеля.

Заткнись, неудачник. Ты только что с того света вернулся. Птичка ради тебя очень старалась! Может, на поле боя ты и не попадёшь, но живи, понял?!

— Чуть левее, там чешется... да-да, вот так, почеши, — беззастенчиво скомандовал Суй Цзымин.

Шэнь Цзюцзю, подавив желание расцарапать ему лоб, скрепя сердце почесал ему висок. Внезапно мимо пронёсся порыв ветра. Шэнь Цзюцзю инстинктивно пригнулся, спрятав голову под крыло, и в ужасе уставился на меч, отсёкший ноги подкрашиваему убийце.

Чёрт... что это было?!

Он стоял на лбу лежащего Суй Цзымина, и меч пролетел так низко, что почти коснулся его перьев. Он с лёгкостью, словно масло, отсёк голени нападавшего. Можно было только догадываться, как низко и точно он летел и какой силой обладал тот, кто его метнул.

Стук копыт приближался. Фигура, висевшая сбоку от лошади, вскочила в седло и натянула поводья. Конь встал на дыбы и, издав ржание, взрыл копытами землю. Алая вспышка чиновничьего халата мелькнула в воздухе, и из-за спины всадника, словно тени, выскользнули стражники, окружив лес.

Прибывший приближался. Чёрный плащ, наброшенный на окровавленный халат, развевался за его спиной, создавая внушительный образ. Вышитый на алой ткани белый журавль, готовый взлететь, ворвался в поле зрения Шэнь Цзюцзю.

Взгляд Пэй Ду упал на лежащего в луже крови Суй Цзымина, и его лицо, и без того напряжённое, окаменело.

Шэнь Цзюцзю поднял голову. Глаза, обычно тёплые и улыбочивые, теперь метали молнии, а в их глубине бушевали ярость и жажда убийства.

Увидев, что атака провалилась, нападавшие попытались отступить, но были сражены подоспевшими стражниками.

Пэй Ду быстрым шагом подошёл, костяшки его пальцев побелели. Он присел, осмотрел раны Суй Цзымина и, увидев, что тот пытается ткнуть пальцем в сидящего у него на лбу птенца, медленно, вежливо улыбнулся и сжал его менее раненое плечо.

— А-а-а! Двоюродный брат, больно!

— Суй Цзымин, я говорил тебе взять с собой больше людей? — прошипел Пэй Ду сквозь зубы.

— Если у тебя нет головы на плечах, мог бы взять с собой того, у кого она есть?

— В моей семье я один... нет-нет, я был неправ, неправ! Брат, осторожнее с рукавом,

испачкаешь — не отстираешь, больно! А-а-а!

Шэнь Цзюцзю, собиравшийся продемонстрировать благодетелю свой полёт, вжал голову в плечи. Его зрачки расширились от ужаса.

Кто-нибудь, объясните птенцу, кто этот человек с вежливой улыбкой и ядовитым языком? Это точно тот самый лучший на свете благодетель Пэй?

Шэнь Цзюцзю, стоявший на лбу Суй Цзымина, не удержался, когда тот дёрнулся, и покатился вниз, но был подхвачен знакомой тёплой рукой. Он выглянул из-под крыла, посмотрев на Пэй Ду.

Тот встал, посадил Шэнь Цзюцзю себе на плечо и, словно вновь став тем самым вежливым и спокойным чиновником, спросил:

— Испугался?

— ...Цзю-цзю, — ответил Шэнь Цзюцзю.

Конечно, нет. Чего сейчас бояться? Если уж и бояться, то того благодетеля, что был здесь минуту назад. И Шэнь Цзюцзю был уверен, что Суй Цзымин с ним полностью согласится.

Люди Пэй Ду осторожно погрузили Суй Цзымина и А Са, у которой было сломано крыло, в повозку и отправили в поместье. Пэй Ду, очевидно, был перехвачен воробьём во дворце и примчался так быстро, что даже не успел сменить халат, лишь накинув сверху плащ.

Стражник, опустившись на одно колено, доложил:

— Господин, предводитель сбежал.

Пэй Ду, медленно покручивая нефритовое кольцо на большом пальце, спокойно ответил:

— Тела и все следы забрать. Кровь убрать.

— Слушаюсь.

Шэнь Цзюцзю склонил голову набок. Почему и у главного героя, и у Пэй Ду была привычка зачищать всё до последнего клочка земли? И ещё... Шэнь Цзюцзю внимательно посмотрел на стражника, с ног до головы закутанного в чёрное. Он казался ему смутно знакомым.

Когда тот начал уходить, Шэнь Цзюцзю, желая рассмотреть его поближе, взлетел, но был тут же пойман и возвращён на место.

— Научился летать? — в голосе Пэй Ду прозвучало удивление.

Шэнь Цзюцзю тут же забыл о стражнике и, расправив крылья, принялся демонстрировать своё мастерство: взмывал, кувыркался, плавно приземлялся, самодовольно распушив хвост.

Пэй Ду сначала искренне похвалил его изящество, а затем, взяв в руки, повернул в другую сторону.

— Цзюцзю, ты, кажется, что-то пообещал этим птицам?

А?

Шэнь Цзюцзю не сразу понял, о чём речь, но, посмотрев, увидел, что воробьи не улетели. Они сидели на ветках — ряд за рядом, стоя за стайей — и их одновременный взгляд был весьма внушительным.

Увидев, что длиннохвостый птенец смотрит на них, предводитель стаи подлетел поближе, но, не решаясь сесть на руку Пэй Ду, опустился на соседнюю ветку.

— Цзю-цзи-цзю-цзю~

[Ты обещал, что, если мы найдём человека, ты будешь нас кормить~]

Шэнь Цзюцзю, на которого смотрели тысячи глаз, пискнул:

— ...Цзю?

Его крылья дрожаще указали на несметное количество воробьёв.

[...Это всё... твоя семья?]

Воробей уверенно кивнул и взмахнул крылом. Лес наполнился оглушительным щебетом. Стражники, собиравшие тела, ускорили шаг.

Шэнь Цзюцзю, до этого считавший себя богачом с несколькими мешочками зерна, понял, что не просто обанкротился — он не сможет их прокормить, даже если продаст себя в рабство. Он и сам-то жил за счёт благодетеля! Как он мог сказать тому, что его птенец хочет завести ещё несколько тысяч воробьёв?

Осознав всю тяжесть свалившегося на него долга, птенец потемнел в глазах, задрал лапки вверх, сложил крылья на груди и с умиротворённым видом растянулся на ладони Пэй Ду.

К чёрту всё. Если жизнь станет невыносимой, можно и так проспать до скончания веков.

— Цзю-цзи-цзю-цзю-цзи! Цзю-цзю-цзи! Цзю-цзю-цзи! — воробей, очевидно, понимая размер своей семьи, настойчиво требовал ответа от своего должника.

Лежа на ладони Пэй Ду, Шэнь Цзюцзю отчётливо почувствовал, как рука под ним дрогнула. Птенец-банкрот открыл глаза и с укором посмотрел на своего благодетеля.

Он ведь только что смеялся, да?

Пэй Ду и сам не ожидал, что в такой ситуации не сможет сдержать смех. Он провёл пальцем по кончикам крыльев, прикрывавших птичье брюшко, и мягко сказал:

— Мы ведь оба пришли на помощь. Такие птичьи долги должен возвращать тот, кого спасли, не так ли?

Шэнь Цзюцзю, мгновенно освоивший искусство перевода долга, тут же воскрес. Он выпрямился на ладони Пэй Ду и, расправив крылья, обратился к смотрящим на него воробьям:

— Цзю-цзю-цзю-цзю-цзю-цзю!

[Я, конечно, держу своё слово!]

[Помните того, от кого так вкусно пахло?]

[Теперь он ваш должник!]

[Когда он очнётся, я скажу ему приготовить для вас еду!]

[Каждая птица получит свою долю, и так будет до конца ваших дней!]

Продавать чужое зерно было не жалко!

Стражники работали быстро, и вскоре в лесу остался лишь слабый запах крови.

— Господин, на теле молодого господина Суй есть царапины от стрелы, но саму стрелу мы не нашли. Должно быть, её унесли.

Шэнь Цзюцзю, чувствовавший, что забыл что-то важное, вдруг вспомнил. Он похлопал Пэй Ду по пальцу, прося его подождать, и, взмахнув крыльями, взмыл ввысь.

В полёте он разительно отличался от того, кем был на земле. Пушистый белый комочек кувыркался в воздухе, его крылья двигались так быстро, что превратились в размытые пятна, а длинный хвост, обычно собранный, то и дело раскрывался веером. Он был невероятно мил и ловок.

Шэнь Цзюцзю с гордым видом вернулся, держа в клюве свёрток из листьев, и положил его на ладонь Пэй Ду, топнув лапкой и самодовольно пискнув.

На этот раз Пэй Ду не понял, что он имеет в виду, но всё же с осторожностью убрал то, что птенец ему принёс.

От воробьиной армии осталось лишь несколько птиц, следовавших за Шэнь Цзюцзю, видимо, чтобы запомнить дорогу и человека.

Шэнь Цзюцзю сидел на плече Пэй Ду, но, когда тот вскочил на коня, он снял его и спрятал за пазуху, прикрыв плащом.

По пути сюда его трепал ветер, а обратно он ехал в тепле и уюте, прижавшись к груди благодетеля. Шэнь Цзюцзю с удовлетворением вздохнул. Похоже, ему никогда не стать великим хищным генералом, придётся довольствоваться ролью учёной птицы-книжника.

Сквозь слои одежды стук копыт казался далёким. Шэнь Цзюцзю, уставший и взволнованный после долгого дня, начал клевать носом. Засыпая, он вдруг вспомнил о мече, метнутом кем-то.

Мог ли это быть Пэй Ду? Но такая сила и точность требовали долгих тренировок. Неужели благодетель... владеет боевыми искусствами? И даже если так, зачем ему было метать меч? Шэнь Цзюцзю ясно видел, что к седлу его коня был прикреплён лук. Разве не проще и быстрее было бы выстрелить?

Проснулся Шэнь Цзюцзю уже в поместье, на подушке Пэй Ду, укрытый пахнущим лекарствами платком. Он сладко потянулся, расправив крылья, а затем, придерживая платок, вытянул из-под него лапки и пошевелил пальцами.

Лёжа на спине, Шэнь Цзюцзю мысленно прокрутил в голове события прошедшего дня. В комнате послышался шорох. Он повернул голову и сквозь щель в пологе кровати увидел слугу, который обычно за ним ухаживал. Тот поставил на стол тарелку с фруктами и сладостями —

для него, на случай, если он проснётся.

Измученный дневными приключениями, Шэнь Цзюцзю решил ещё немного полежать. Его взгляд скользнул по спине уходящего слуги.

— ЦЗЮ!!

Резкий крик заставил слугу остановиться. Он обернулся. Из-за полога медленно показалась птичья голова. Маленькие глазки неотрывно смотрели на него. Слуга почувствовал, как по лбу поползла капля пота.

Длиннохвостый птенец с важным видом сел на краю кровати, одним крылом приподнял полог, а другим поманил слугу к себе.

— Цзю-цзю, цзю-цзю-цзю.

[Подойди, подойди поближе.]

Слуга, обливаясь потом и чувствуя, что в этой сцене что-то не так, замер.

Пэй Ду, едва переступив порог, увидел эту картину, и его бровь дёрнулась. Он кашлянул и жестом отпустил слугу. Тот, словно получив прощение, выскочил из комнаты, не забыв притворить за собой дверь.

Пэй Ду подошёл к кровати, откинул полог и с улыбкой спросил птенца, сидевшего с серьёзным видом:

— Догадался?

Шэнь Цзюцзю важно кивнул, подражая манерам своего благодетеля.

Да, он догадался. Догадался о великой тайне, за которую в любом другом романе его бы тут же убрали.

Какой же канцлер держит в своём поместье неуловимых стражников, которые в мирное время могут притворяться обычными слугами, подающими чай?

Две птичьи лапки, до этого свешивавшиеся с кровати, медленно соединились, и птенец смущённо потёр их друг о друга.

Итак, благодетель — главный злодей романа, а главный герой — будущий основатель новой династии. Возникает вопрос: его благодетель, Пэй Ду, выходец из знатного рода, первый советник, глава учёной элиты, лавирующий между тремя силами и обладающий огромной властью, — он верный подданный...

...или заговорщик?

...Постойте-ка.

Шэнь Цзюцзю сжался и покосился на закрытую дверь. Затем медленно поднял голову и встретился взглядом с Пэй Ду.